УДК 372.82
DOI: 10.51255/2311-603X_2023_4_243

Д. М. Буланин

В преддверии педагогических реформ Петровской эпохи (обновление терминологии)

Когда заходит речь о петровских инициативах в сфере педагогики, акцент обыкновенно делают на заботах царя-реформатора об учреждении соответствующих институтов, на их практической ориентации, отразившейся в выборе преподаваемых дисциплин. Пишут о секуляризации учебного дела, указывая, что проводившаяся в этой сфере политика вела к решительному разрыву с тем гуманитарным направлением, к которому традиционно тяготели церковные училища любого типа. Пишут и о массированном вторжении в язык варваризмов — иностранных терминов, связанных с освоением новых наук. Спорить с подобными умозаключениями не приходится. Но иногда незаслуженно забывают о тех движениях, которые совершались в глубинных пластах культуры. Между тем духовное развитие общества, особенно в средневековую эпоху, определяют именно такие, часто скрытые течения. Случается, что они раскрывают кое-что важное и в преобразованиях рубежа XVII–XVIII вв. Поэтому редкие, но веские высказывания и оговорки по педагогическим проблемам, относящиеся к ним словесные формулы, маркированная лексика, иногда даже многозначительное молчание современников — все это заслуживает внимания со стороны историка русского просвещения.

Чтобы оценить глубину изменений, пришедшихся на XVIII в., требуется отступить на много столетий назад. Рассуждая о первых на Руси школах

грамотности, специалисты цитируют сообщение «Повести временных лет» о том, как князь Владимир, заботясь о принявших крещение подданных, стал отдавать детей «нарочитые чади» «на ученье книжное». Доверяя или не доверяя сообщению, ученые объясняли его по-разному. После многих колебаний автор этих строк пришел к выводу, что под «ученьем книжным» нужно здесь понимать не более, чем наставление неофитов в православной вере. Никаких начальных школ на Руси не было — ни при Владимире, ни позднее: кощунственной, как кажется, представлялась сама мысль об отделении технологических приемов чтения и письма от содержания книги, имевшей, естественно, религиозное назначение. Основы грамоты усваивались в процессе знакомства с конкретными текстами. Медиатором в этом процессе, в котором передача абстрактных знаний была подчинена задачам конфессионального воспитания отрока, выступал духовный отец. Постижение грамоты было сродни чуду. Мысль об организации сколько-нибудь регулярных школ впервые зарождается у церковных иерархов, обеспокоенных неудовлетворительной подготовкой поставляемых священников. С просьбой «училища учинити» для будущих служителей бил челом великому князю Новгородский архиепископ Геннадий, о чем он ставит в известность митрополита Симона в послании 1504 г. Но планы русской школы — а такие планы зародились не раньше этой даты — долго еще не выходили из области благих пожеланий. В «Стоглаве» (гл. 26) мысль об организации училищ, как прежде, развивается в виде проспекта на будущее. О многом говорит тот факт, что в Московской Руси не существовало учебников как особой разновидности книги. Первый «Букварь» Василия Бурцова вышел в свет в 1634 г. О более сложных пособиях говорить не приходится. Вопреки существующим суждениям, нельзя признать учебниками ни многочисленные разновидности «Азбуковника», ни памятники по разделам тривиума, вроде старого перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина или новопереведенной «Риторики» псевдо-Макария. В XVII в. их переписывали в обыкновенные четьи сборники. Да и в следующие годы правительство не потрудилось упорядочить начальное образование, оно по-прежнему отдавалось на усмотрение частных учителей. Понятно, что учреждение школы повышенного типа было сопряжено с еще бóльшими трудностями, первые опыты в этом направлении, предпринимавшиеся в течение XVII в., ограничивались обучением одного-двух воспитанников. Открытие Славяно-греко-латинской академии датируют 1687 г., когда братья Лихуды переместились с учениками в палаты, выстроенные под училище в Заиконоспасском монастыре[1]. Но говоря об академии, мы уже вплотную подходим к новой — петровской эпохе.

Неверно было бы связывать столь продолжительную ретардацию в устройстве школьного образования с врожденной неспособностью населения Московской Руси к наукам. Объяснение надлежит искать в присущей русской культуре системе конфессиональных ценностей, которая сложилась в течение столетий и не хотела сдавать свои позиции. Книжные знания, как считалось

на Руси, начиная от навыков чтения и письма и кончая словесными науками, не могут быть эмансипированы от несущей эти знания религиозной литературы (иной литературы не существовало). Знания обладают ценностью лишь в той мере, в какой они укореняют в душе наставляемого нетленные истины православного вероучения. Истины подобного рода заключены в таких книгах, содержание и форма которых не допускают изменений, ибо любые изменения причинили бы ущерб вероучению. К таким книгам приближаются как к святыне, а инициация начинающего начетчика происходит как таинство. Оно, как положено таинству, не терпит суеты и совершается учителем-духовником в интимной обстановке. В нарисованной картине не остается места для публичной школы. Робкие попытки средневековых идеологов, формировавших в XVI в. образ Москвы как «священного царства», приукрасить этот образ мифом об училищах, якобы развернутых князем Владимиром[2], или даже представить воображаемую монастырскую школу на миниатюре (в лицевом Житии Сергия из ризницы Троицкого монастыря), не могли сломать инерцию. Религиозные традиции обладают повышенной устойчивостью, что и показала церковная реформа Никона, воспринятая ее противниками как дерзкое вторжение мирских наук в заповедную зону конфессии[3]. И все же конфессиональные предубеждения, которые мешали, с точки зрения реформаторов, структуризации образования, не в силах были воспрепятствовать проникновению в русскую письменность педагогической терминологии, отражающей новые формы обучения. Инфильтрацией такой терминологии сопровождалось открытие Московской академии, во многом, в том числе в специальной лексике, копировавшей западные образцы, особенно академию в Киеве. Интересно, однако, проследить те малозаметные движения в лексике, связанной с преподаванием, которые закрепились в языке раньше и которые готовили почву для новых пластов словаря, принесенных впоследствии академическими реалиями. Поскольку материал обширен, позволим себе ограничиться разделом лексики, который касается лиц, причастных к процедуре обучения (nomina agentis). Констатируем здесь же, что мы на равных правах рассматриваем три способа генерации терминов — через простой перенос иноязычного слова, через изменение его семантики, через замену устаревших или вышедших из моды терминов новыми.

Подлинных неологизмов, связанных с академическим обиходом и одновременно предвосхищающих начало Московской академии, не так уже много. В «Вестях-Курантах» регистрируется самое раннее употребление слов «студент» (1631 г.) и «профессор» (1649 г.), в челобитной, касающейся театра Алексея Михайловича, встречаем термин «бакалавр» (бакаляр, ваккалар) (1675 г.)[4]. Перед нами профессионализмы, использованные окказионально — по конкретному случаю и сообразно потребностям конкретного реципиента. Для суждений о динамике словарного состава русского языка ценность их невелика. Интереснее факты, говорящие об актуализации в середине XVII в. лексики, употреблявшейся и раньше. На Руси знали не только о существовании наук

тривиума, но и о том, что в них некогда преуспели отцы церкви и многие почитаемые святые[5]. Книжники ничего не имели против этих наук до той поры, пока не видели в них угрозы православию, о чем, собственно, они и объявляют в так называемой «самоуничижительной формуле». С ее помощью литераторы свидетельствовали, что они благополучно обходятся без «внешних» для христианина мудростей. В центре внимания словесные науки как враждебное начало оказались в упомянутой выше контроверзе между никонианами и приверженцами старины, когда сам Аввакум объявил, что «ритор и философ не может быти християнин». Ему вторили и другие. Об этих спорах, включая рассуждение «Учитися ли нам полезнее...», защищающее тривиум и атрибутируемое Евфимию Чудовскому, написано много, нет нужды повторять сказанное. Если же говорить о текстах более древних, проклятия в адрес обучающих и обучаемых «внешним» наукам встречаются в них довольно редко. Интересна в этом плане «Валаамская беседа», которую датируют XVI в. Преуспевших в грамматике — «мудрых грамотиков» из окружения царя, вместе со «сказателями от книг», автор произведения противопоставляет тем, кто принесет пользу царю и вельможам без излишней для православного мудрости — одними «святыми божиими книгами»[6]. Об изменениях в культурных ориентирах, какими отмечен XVII в., говорит вытеснение некоторых слов на периферию письменного языка, как то имело место с выражением «речеточец», южнославянским эквивалентом термина «ритор». Правда, памятники лексикографии, начиная с «Азбуковника», исправно фиксируют утративший актуальность южнославянизм[7]. Напротив, «дидаскал», термин, известный на Руси еще по старейшим переводам и тоже вошедший в «Азбуковник»[8], активно конкурирует в текстах XVII в. с традиционным «учитель». Впрочем, о первоначальном значении и последующих изменениях в содержании этого последнего слова мы еще скажем дальше несколько слов.

Наибольшие трудности создает интерпретация трех академических терминов, пришедших в древнерусскую письменность из западноевропейских источников, — «схоластик», «магистр» и «доктор». Трудности отчасти обусловлены тем, что все они неоднозначны уже в языках-донорах. Отсутствие на Руси собственных педагогических институтов, к которым могли быть применены такие лексемы, дополнительно размывало их семантику. По понятным причинам более информативны оригинальные тексты, включающие названные термины, но и переводы бывают иногда небесполезны. Производных от греческого корня σχολ- в древнерусских сочинениях встречается немало, интересно при этом, что они приходили туда разными путями. Наряду с не слишком древним полонизмом «школа», словари фиксируют уже в старейших славянских переводах заимствования из греческого («схоли», «схоластик»), позднее — в «Степенной книге» — появляется термин «схоларь» («схоларь — ученик, иже в учении упразняется»), как видно, отсюда заимствованный и «Азбуковником»[9]. Среди известных лексем, входящих в это словарное гнездо, выделяется — если

не по форме (поскольку она внешне тождественна эквиваленту, взятому из греческого), то по генезису — отчетливый латинизм в предисловии Дмитрия Герасимова к переведенной им с латинского языка «Толковой Псалтири» Брунона, епископа Вюрцбургского. Писатель заявляет в предисловии, что книга «преложена» «потружением и послужением грешнаго и малоученаго Димитриа схоластика, рекше ученика»[10]. Самоумаление здесь этикетное, но схоластиком Герасимов имел реальные основания называть себя, ибо много лет назад он учился в ливонской школе. Перевод (возможно, улучшенную редакцию своего старого перевода) он выполнил по заказу Новгородского архиепископа Макария, будущего митрополита, в 1535 г., и это довольно необычное для тех лет предприятие. Дмитрий Герасимов был тогда на Руси одним из лучших латинистов и в свое время много потрудился в составе «литературного кружка» Геннадия — другого архиепископа Новгорода. Но в 1505 г. Геннадий умер, а с ним вместе ушло в прошлое поддерживаемое им своеобразное «латинофильство». Для книжной деятельности Макария подобный уклон нехарактерен, не случайно о переводе «Толковой Псалтири» внесена подробная запись в летописный свод 1539 г. как о факте из ряда вон выходящем. По-видимому, запись сделана под диктовку самого переводчика, который умело использовал стилистический контраст, применив к себе *terminus technicus* (scholasticus), а для архиепископа выбрав библеизм — слово из высокого регистра («раввуни») [11].

Менее однозначно выглядит использование термина «магистр», применявшегося в разных областях жизни, в том числе бесконечно далеких от науки и педагогики. Дополнительный элемент неопределенности возникал из-за того, что в оригинальных и переводных текстах часто фигурировало с трудом отделяемое от нашего термина (кто-то скажет даже — идентичное ему), но значительно более популярное слово «мастер», круг значений которого был еще шире. Обе лексемы встречаются в разной огласовке (ср. «маистр», «мештер», «мистр» и др.), и связь отдельно взятого словоупотребления с академическим званием не всегда легко установить из контекста. В свою очередь, на русской почве в эксплуатации термина возникли некоторые ограничения. Как выяснилось, термины «учитель» и «мастер» находились на Руси в отношениях дополнительной дистрибуции[12]. Именно: первое из слов ассоциировалось с благочестием, так что «учителем» обыкновенно мог быть только носитель духовного сана. Напротив, слово «мастер» было лишено сакральных коннотаций, почему в отношении педагога его стремились избегать. В целом интересующих нас примеров употребления термина «магистр» оказывается немного, но они все же есть. Скажем, рассматриваемое слово в применении к Гиппократу указывает, безусловно, на его познания во врачебном искусстве. Так репрезентирует древнегреческого ученого одно из дополнений к «Травнику», переведенному Николаем Булевым в 1534 г.: «Маистр Ипократ глаголет»[13].

Можно, кажется, заметить признаки семантической дифференциации в применении разных по происхождению вариантов термина. Для обозначения

ученых и наставников чаще используется полонизм «мистр», что и отражено в толкованиях «Азбуковника»: «магистры — урядники градскыя... магистр — посол... мистр — учитель»[14]. Приведем еще пару примеров. Некто Феофил Дедеркин в послании Василию II о землетрясении в Италии замечает, что бедствие не в силах были бы описать, «аже бы мистрове писари изо всех стран колиждого языка згонули бы ся вместо». По-видимому, составитель происходил из Литвы, полонизмы есть и в найденном недавно переводном тексте с именем этого же Феофила. Уже в XV в. его писания достигли Северо-Восточной Руси, послание читается в одном из сборников Ефросина Белозерского[15]. Использован термин «мистр» и в переведенном с польского языка «Разговоре магистра Поликарпа со смертью». Перевод выполнен в первой половине XVI в. в Волоколамском монастыре, но смысл оригинала изменен характерным манером. Макабрический юмор сочинителя заключался в том, что перед всемогуществом смерти преисполненный самомнения учитель — «мистр» превращается в трепещущего школяра. Роль учителя переходит к смерти. Переводчик последовательно устраняет все аллюзии, связанные с институтом школы, под его пером перевод превратился в обыкновенное монашеское поучение с призывом помнить о смерти[16].

Как и следовало ожидать, из трех выделенных нами слов, связанных с академической средой, слово «доктор» в наименьшей степени «терминологично». В этом легко убедиться по нескольким контекстам. Текст Тверской летописи в дошедшем до нас виде прошел через руки нескольких поколений летописцев. В 1534 г. над сводом работал ростовский книжник, записавший традиционную декларацию о своем невежестве, однако декларацию на редкость пространную и использующую нестандартные образы. Принижая свои способности, книжник заявляет: «...ни научихся дохторскому наказанию, еже сьчиняти повести и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имут ритори»[17]. Топос, как водится, надлежит толковать по принципу противоположности. Ростовчанин, несомненно, понимал: «доктором» именуется человек, достигший высокой квалификации по результатам специального обучения («наказания»). Возьмем другой памятник — Послание Николаю Булеву о латинском отлучении, ошибочно приписанное Максиму Греку. Послание представляет собой компиляцию, составленную из разных источников, в том числе из писания «бояриназападника» Федора Карпова. В тексте различимы следы утраченного сочинения Карпова, на что не обращали до сих пор внимания. Следы видны в семантических кальках латинских слов (ср. «варварский», «малословие» о стиле; «трость» в значении *calamus*, «возмогай» в значении *vale*), известных по подлинным сочинениям Карпова, и во филофронетических мотивах, выдающих мастера эпистолярного жанра. Все это сопровождается дифирамбом митрополиту Даниилу. Рекомендуя адресату прислушаться к советам Даниила, автор заявляет: «Егда изящнаго разума Христова закона доктора святаго митрополита многими сообщена художествы узриши, любезнее слышати имаши»[18]. Думается, что никто

тогда, кроме Карпова, не осмелился бы присвоить московскому митрополиту заимствованную из лексикона Западной Европы ученую степень доктора.

Приведенные примеры осмысленного использования анализируемого термина можно считать для XVI в. скорее исключением, чем правилом. Тексты показывают, что семантика термина размывалась даже в тех случаях, когда словом «доктор» называли медиков. Так, известный уже нам Булев, которого, судя по косвенным данным, на родине знали как магистра и профессора, в русских источниках лишь однажды именуется «доктором» — когда он вкупе со своим коллегой Феофилом явился к постели умирающего Василия III[19]. Ясно, что наше слово здесь обозначает профессию, а не звание. Гораздо чаще оно употребляется синонимично словам «мудрец», «знаток», «умелец» и др., т. е. характеризующим выдающиеся качества людей в самой общей форме. Так, в «Степенной книге» читаем: «Еще же прислаша к государю мастеров многих, дохтуров, гораздих различным деланием, и искатели злату и сребру...» («Степенная книга»)[20]. Сходную ситуацию наблюдаем в своде текстов с именем Ивана Пересветова, с тем любопытным нюансом, что здесь прозвания «философ» и «доктор» разведены по конфессиональному признаку, так что «философами» неизменно выставлены греки, а «дохтурами» — латиняне: «Коли на споре с латыняны латынския веры дохтуры спираются со греки...», или еще: «Пишут философи греческия и дохтуры латынския»[21].

Тот, кто сравнит рассмотренные нами крохи педагогического лексикона со словарным материалом, мощной волной влившимся в русский язык в годы реформ Петра I, тот оценит обусловленный реформами скачок в развитии образовательных учреждений и педагогической мысли, которые обновленный словарь назначен был обслуживать[22]. Прогресс налицо, нет смысла отрицать очевидное. Полезно вместе с тем не забывать, что любой прогресс предполагает потери, иногда весьма существенные. Реформ Петра вообще и педагогических нововведений в частности это касается в полной мере. Царю-преобразователю не нужны были архаические способы трансляции знаний, слитые с катехизическими наставлениями и обращенные ко всему стаду верующих. Педагогические мероприятия Петра соотносились с земным бытием и имели земное приложение: главная задача его и его преемников заключалась в организации школ профессиональных по своей программе и сословных по составу обучающихся[23]. Не стоит думать, что в такой перестройке все сводилось к обмирщению учебного дела, изъятию его из монополии церкви. Воцерковленная педагогика по самой своей природе содержала в себе нравственную составляющую и не предусматривала социальной градации — ценные качества, которые исчезли из учебных заведений реформированного типа. С другой стороны, тот же конфессиональный субстрат не позволял расстаться со старым — многовековым идеалом просвещения людям, выключенным по своему статусу или добровольно отстранившимся от школьных учреждений нового типа. С той поры в России утвердились два непримиримых взгляда на задачи школьного

обучения. Таким образом, слом прежней педагогической системы, произведенный Петром I, сыграл не последнюю роль в том социальном и культурном раздвоении русского общества, которое предопределило его дальнейшую историю.

---

1 *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.

2 *Буланин Д. М.* У истоков классического образования в Москве: (Памятник братьям Лихудам) // Schnittpunkt Slavistik. Göttingen, 2012. Bd. 1. С. 159–186.

3 *Успенский Б. А.* Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси: (XVI–XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 208–224.

4 Вести-Куранты: 1600–1639. М., 1972. С. 155; Вести-Куранты: 1648–1650 гг. М., 1983. С. 159; Московский театр при царях Алексее и Петре / Изд. С. К. Богоявленский. М., 1914. С. 61–62.

5 *Буланин Д. М.* Несколько параллелей к главам III–IV Жития Константина-Кирилла // Кирило-Методиевски студии. 1986. Кн. 3. С. 91–107.

6 *Моисеева Г. Н.* «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 189 (2-я ред.).

7 *Буланина Т. В.* Первое определение искусства оратора в древнерусской письменности // ИОЛЯ. 1991. Т. 50. № 1. С. 69–74.

8 *Ковтун Л. С.* Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 177. Ср. здесь же толкование очередного южнославянизма: «даскал — менший учитель».

9 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2. С. 457; *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 253.

10 Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 150–151.

11 ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 238.

12 *Буланин Д. М.* «Учитель» — профессия или конфессия?: («Дети нарочитые чади» князя Владимира и их судьба в допетровской Руси) // Rossica Antiqua. 2019. № 1/2 (17). С. 87–121.

13 *Морозов Б. Н.* Травник из Постельной казны Ивана Грозного?: Харьковская рукопись 1534 г. — новый памятник книжной мастерской митрополита Даниила (Первые итоги изучения) // АЕ за 2002 г. М., 2004. С. 79. Из лиц, преуспевших в той или иной специальности, книжники награждали званием «магистра» чаще других именно медиков. Ср. ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 187.

14 *Ковтун Л. С.* Азбуковники... С. 224.

15 *Korogodina M., Sergeev A., Sirenov A.* Slavonic Translations of the “Master of Rhodes Letter” // Scrinium. 2021. Т. 17. P. 172–198.

16 Повести о споре жизни и смерти / Подг. Р. П. Дмитриевой. М.; Л., 1964. С. 197–201.

17 ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 142.

18 *Максим Грек, прп.* Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 386.

19 ПСРЛ. Т. 43. С. 225.

20 Степенная книга... Т. 2. С. 389.

21 Сочинения И. Пересветова / Подг. А. А. Зимина. М.; Л., 1956. С. 161, 162.

22 *Комаровский Б. Б.* Русская педагогическая терминология: Теория и история. М., 1969. С. 68–73.

23 *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. С. 5–24.

References

BULANIN D. M. *Neskol'ko parallelei k glavam III–IV Zhitiia Konstantina-Kirilla* [Several Parallels to ch. III–IV of the Vita of Constantin-Cyrill. In Russ.] // Kirilo-Metodievski studii. 1986. T. 3. P. 91–107.

BULANIN D. M. *U istokov klassicheskogo obrazovaniia v Moskve*: (*Pamiatnik brat'iam Likhudam*) [At the Origins of the Classical Education in Moscow: (The Monument to Leikhudis Brothers). In Russ.] // Schnittpunkt Slavistik. Göttingen, 2012. Bd. 1. S. 159–186.

BULANIN D. M. "*Uchitel'*" — *professiia ili konfessiia*?: ("*Deti narochitye chadi*" *kniazia Vladimira i ikh sud'ba v dopetrovskoi Rusi*) [Is "teacher" a Designation of the Speciality or of the Piety? ("Children from Nobles' Families" of Prince Vladimir and their Fate in pre-Petrine Rus). In Russ.] // Rossica Antiqua. 2019. No. 1/2 (17). P. 87–121.

BULANINA T. V. *Pervoe opredelenie iskusstva oratora v drevnerusskoi pis'mennosti* [The First Definition of the Art of Orator in Old Russian Writings. In Russ.] // IOLIa. 1991. T. 50, no. 1. P. 69–74.

FONKICh B. L. Greko-slavianskie shkoly v Moskve v XVII veke [Greek and Slavonic Schools in Moscow in the 17th Century. In Russ.]. Moscow, 2009.

KOMAROVSKII B. B. Russkaia pedagogicheskaia terminologiia: Teoriia i istoriia [Pedagogical Terminology in Russian: The Theory and the History. In Russ.]. Moscow, 1969.

KOROGODINA M., SERGEEV A., SIRENOV A. *Slavonic Translations of the* "*Master of Rhodes Letter*" // Scrinium. 2021. T. 17. P. 172–198.

KOVTUN L. S. Azbukovniki XVI–XVII vv. [Azbukovniki of the 16th–17th Centuries. In Russ.]. Leningrad, 1989.

MAKSIM GREK, prp. Sochineniia [Maxim the Greek. The Works. In Russ.]. Moscow, 2008. T. 1.

MOISEEVA G. N. "Valaamskaia beseda" — pamiatnik russkoi publitsistiki serediny XVI veka ["The Discourse of Valaam" — the Monument of Russian Publicistics from the Middle of the 16th Century. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1958.

MOROZOV B. N. *Travnik iz Postel'noi kazny Ivana Groznogo?: Khar'kovskaia rukopis' 1534 g. — novyi pamiatnik knizhnoi masterskoi mitropolita Daniila* [*Travnik* from the Bed Treasury of Ivan the Terrible?: Kharkov Manuscript of 1534 — a New Monument from the Book Workshop of Metropolitan Daniel. In Russ.] // AE za 2002 g. Moscow, 2004. P. 73–85.

Moskovskii teatr pri tsariakh Aleksee i Petre [Moscow Theatre under the Tsars Alexius and Peter. In Russ.]. Moscow, 1914.

Opisanie rukopisei Solovetskogo monastyria, nakhodiashchikhsia v biblioteke Kazanskoi dukhovnoi akademii [The Description of the Manuscripts from Solovetsky Monastery kept in the Library of Kazan Theological Academy. In Russ.]. Kazan, 1881. Ch. 1.

Povesti o spore zhizni i smerti [Tale about the Dispute between the Life and the Death. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1964.

PSRL [PSRL. In Russ.]. St. Petersburg, 1863. T. 15.

PSRL [PSRL. In Russ.]. St. Petersburg, 1910. T. 23.

PSRL [PSRL. In Russ.]. Moscow, 2004. T. 43.

ROZhDESTVENSKII S. V. *Ocherki po istorii ystem narodnogo prosveshcheniia v Rossii v XVIII–XIX vekakh* [Essays on the History of Public Education Systems in Russia in the 18th–19th Centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 1912. T. 1.

Sochineniia I. Peresvetova / Podg. A. A. Zimina [Works by I. Peresvetov / Ed. A. A. Zimin. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1956.

Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam [The Book of Degrees of the Royal Genealogy Based on the Oldest Manuscripts. In Russ.]. Moscow, 2008. T. 2.

USPENSKII B. A. *Otnoshenie k grammatike i ritorike v Drevnei Rusi*: (*XVI–XVII vv.*) [Attitude to Grammar and Rhetoric in Old Rus. In Russ.] // Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury. Moscow, 1988. S. 208–224.

Vesti-Kuranty: 1600–1639 gg. [Vesti-Kuranty: 1600–1639. In Russ.]. Moscow, 1972.

Vesti-Kuranty: 1648–1650 gg. [Vesti-Kuranty: 1648–1650. In Russ.]. Moscow, 1983.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. М. Буланин. В преддверии педагогических реформ Петровской эпохи (обновление терминологии) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4. С. 243–252

Аннотация: Реформы Петра I дали новое направление русским образовательным учреждениям и стимулировали разработку педагогической теории. Эти изменения сопровождались полным обновлением педагогического лексикона. Однако инфильтрация в письменность отдельных академических терминов западного происхождения началась задолго до наплыва неологизмов, связанных с перестройкой всей системы образования. Автор прослеживает судьбу таких «несвоевременных» терминов из того раздела лексики, который касается лиц, причастных к процедуре обучения (*nomina agentis*). Термины генерировались через простой перенос иноязычного слова, через изменения в его семантике, через замену устаревших терминов новыми. Наибольшее внимание уделяется, в связи с их популярностью, трем пришедшим из европейских источников терминам — «схоластик», «магистр» и «доктор». Они особенно трудны для интерпретации, поскольку в каждом из трех заложено много оттенков значения, которые могут быть выявлены только в контексте. Автор анализирует самые интересные из контекстов. Экскурсы в историю терминов позволяют лучше понять репертуар новых слов, вошедших в школьный обиход при Петре.

Ключевые слова: педагогика, грамота, школа, академия, терминология, неологизм, катехизация, варваризм.

FOR CITATION

D. M. Bulanin. Waiting the pedagogical reforms started by Peter the Great (Renewal of the terminology) // Petersburg historical journal, no. 4, 2023, pp. 243–252

Abstract: The reforms of Peter the First gave a new direction to Russian educational institutions, these reforms stimulated as well the development of pedagogical theory. All changes were accompanied by a complete renewal of the pedagogical lexicon. However, the infiltration of certain academic terms of western origin into Russian writings began long before started the influx of neologisms associated with the restructuring of the education system. The author traces the fate of “premature” terms, taking the section of the pedagogical vocabulary that concerns persons involved in the learning procedure (*nomina agentis*). The terms were generated through a simple transfer of a foreign word, through shifts in its semantics, through the replacement of out of date term with the new one. Special attention is paid, because of their popularity, to three terms, that came from European sources — “scholasticus”, “magister” and “doctor”. These terms are especially difficult to interpret, since each of the three has many nuances in its principal meaning. These nuances can be revealed only in the context. The author analyzes the most interesting of the contexts. Excursions into the history of the terms makes it possible to evaluate the set of new words, which entered the life of schools under Peter the Great.

Key words: pedagogy, literacy, school, academy, terminology, neologism, catechizing, barbarism.

Автор: **Буланин, Дмитрий Михайлович** — д. ф. н., гл. науч. сотр. Института русской литературы РАН.

Author: **Bulanin, Dmitrii Mikhailovich** — Doctor of Sciences, Senior Fellow of Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences.

E-mail: dmitriibulanin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5480-7964